

всего человѣчества. Это «преніе живота со смертью» можетъ быть названо вообще основнымъ лейтмотивомъ исторіи человѣческаго рода, основной ведущей темой культуры и отъ его разрѣшенія зависятъ вѣчныя судьбы человѣчества. Сюда и направилъ свой орлиный взоръ Н. Ф. Федоровъ. Онъ сталъ рѣшительно и безповоротно на сторону жизни противъ смерти, поднявъ знамя Воскресенія Христова и памятуя Его слова: «Дѣла, яже Азъ творю и вы сотворите, и больше сихъ сотворите». Всѣ силы человѣческаго ума и чувства, науки, искусства, религіи, техники, — мобилизовалъ этотъ удивительный православный энциклопедистъ на борьбу съ

«курноской». Въ этомъ его исключительное значеніе, не только для Россіи, но и для всего міра.

Всѣмъ извѣстно, что преп. Серафимъ Саровскій круглый годъ христосовался, съ приходившими къ нему благоговѣйными посѣтителями. Федоровъ увидѣлъ въ этомъ не простое религіозное приличіе, но поистинѣ новое слово и новую установку духовной жизни. Вотъ гдѣ источникъ того безграничнаго благоговѣнія и любви, которое вызывалъ этотъ святой у великаго мыслителя.

В. Н. Ильинъ

Іюнь, 1931 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Большой городъ. *)

Послѣднія десятилѣтія нашего времени отмѣчены однимъ очень своеобразнымъ и исключительнымъ въ исторіи явленіемъ — усиленнымъ развитіемъ большихъ городовъ. Это быстрое развитіе крупныхъ городскихъ центровъ въ настоящее время настолько общеизвѣстно и очевидно, что нѣтъ даже надобности приводить подробныя статистическія цифры. Можно лишь указать, что въ Германіи 50 лѣтъ тому назадъ насчитывалось 6 городовъ, имѣющихъ больше 100.000 жителей, теперь же ихъ больше 50. Этотъ же самый фактъ наблюдается во многихъ другихъ странахъ, не говоря, конечно, объ Англіи и Америкѣ. Исключеніе какъ-будто составляетъ Франція, въ которой развитіе Парижа поглощаетъ всѣ близъ лежащіе города и мѣшаетъ развитію другихъ большихъ центровъ. Почти вся страна являет-

ся какимъ то югромайшимъ пригородомъ Парижа.

Своеобразіе этого явленія заключается не только въ ростѣ городовъ съ многочисленнымъ населеніемъ, т. к. исторія и раньше знала большіе города. Главнымъ признакомъ современнаго большого города, кромѣ человѣческой массы, является капиталъ. Только тамъ большой городъ, гдѣ имѣются на лицо эти признаки; тамъ, гдѣ отсутствуетъ хотя бы одинъ признакъ, тамъ еще нѣтъ большого города. Это особенно ясно на примѣрѣ Рима. Несмотря на великое историческое прошлое, несмотря на то, что онъ и до настоящаго времени является религіознымъ центромъ для всей западной Европы, онъ тѣмъ не менѣе не можетъ служить примѣромъ большого города. Только въ наше время, на нашихъ глазахъ онъ обнаруживаетъ тенденцію къ такому превращенію въ большой городъ**).

*) Извлеченіе изъ доклада «Проблема религіознаго воспитанія въ современныхъ большихъ городахъ», читаннаго въ Религіозно - Педагогическомъ Кабинетѣ.

**) Въ нѣмецкой литературѣ очень отчетливо выступаетъ разница между боль-

Большой городъ стоитъ въ центрѣ современной жизни: онъ наиболѣе ясное и характерное выраженіе всѣхъ ея духовныхъ и экономическихъ основаній и процессовъ, и до извѣстной степени — символъ этой жизни. Онъ является создани-емъ той новой эпохи духовно - экономической жизни, которую принято называть капитализмомъ или вѣкомъ капитала. Очень возможно, что будущій историкъ назоветъ наше время эпохой большихъ городовъ.

Можно установить извѣстную преемственность между старыми **городскими** центрами и большими городами, но преемственность географическую. Большой городъ только внѣшне прикрѣпленъ къ этимъ старымъ центрамъ, но по существу имъ противоположенъ. Онъ живётъ своей особой жизнью и управляется своими особыми законами. Центрами жизни большого города не являются, какъ это было раньше, церковь и ратуша, а биржи, конторы и банки. Церковь и ратуша продолжаютъ еще существовать, но почти какъ анахронизмъ: не около нихъ группируется жизнь, не онѣ даютъ ей содержаніе. Старые законы продолжаютъ еще дѣйствовать, но почти автоматически, уступая мѣсто новымъ законамъ. Центръ жизни тамъ, гдѣ пребываетъ капиталъ, этотъ единственный и подлинный властитель не только жизни большого города, но и всей мировой жизни.

Перемѣщенію центра жизни въ городѣ соотвѣтствуетъ измѣненіе самого темпа жизни. Медленная, спокойная жизнь стараго города, дающая просторъ и возмож-

шимъ городомъ вообще, т. е. городомъ съ многочисленнымъ населеніемъ и «современнымъ большимъ городомъ» благодаря наличію двухъ терминовъ: для первого — «Grosse Stadt», для второго — «Grosstadt».

ность возрастанія всѣхъ духовныхъ силъ, смѣняется лихорадочной поспѣшностью. Жизнь превращается въ непрерывное движеніе, въ непрерывный потокъ. Этотъ безостановочный потокъ жизни обуславливается свойствомъ самого капитала, присущей ему движущей энергіей и имѣетъ одну только цѣль — служеніе капиталу въ его увеличеніи. Это есть послѣдняя задача капитала, а это означаетъ, что капиталъ въ вѣкъ капитализма потерялъ свою первоначальную задачу, и изъ средства облегченія человѣческой работы становится высшей самодовлѣющей цѣнностью. Всѣ остальные цѣнности, которыхъ капитализмъ не отрицаетъ, являются лишь вспомогательными цѣнностями. Ихъ существованіе и мѣсто въ современной жизни обуславливается тѣмъ, поскольку онѣ выполняютъ служебную задачу по отношенію къ капиталу. Въ этомъ нарушеніи іерархіи цѣнностей кроется одна изъ величайшихъ трагедій культуры. Человѣческая культура, поставившая сама себя, какъ послѣднюю цѣль и высшую цѣнность, въ культурномъ процессѣ становится средствомъ ея же рожденнаго капитализма.

Этотъ пріоритетъ цѣнности капитала надъ всѣми остальными цѣнностями приводитъ къ слѣдующимъ явленіямъ. Прежде всего это сказывается въ небываломъ еще развитіи **матеріализма**, — въ кот-ромъ матеріальныя блага управляютъ духомъ. Всѣ усилія человѣка направлены къ достиженію этихъ благъ, суммой этихъ благъ опредѣляется цѣнность жизни человѣка. Господство же матеріальныхъ благъ ведетъ къ необычному развитію чувственности. Съ другой стороны этотъ пріоритетъ цѣнности капитала надъ другими цѣнностями способствуетъ **обмирщенію** всей жизни и человѣка. Это есть высшее утвержденіе земной жизни, ея послѣдней цѣнности, это же есть и предѣльное

развитіе автономной, себя только утверждающей личности **человѣка**. Капиталь требуетъ отъ человѣка высшаго напряженія всѣхъ его силъ и способностей, не подчиняя человѣка никакому высшему авторитету, кромѣ авторитета его собственнаго «я». Человѣческое автономное «я» господствуетъ въ большомъ городѣ. Отъ силы человѣческаго «я» зависитъ мѣсто человѣка въ современной жизни, та сумма благъ, которой онъ можетъ пользоваться.

Несмотря на то, что сумма матеріальныхъ благъ постоянно увеличивается, эти блага благодаря тенденціи капитала къ концентраціи, стремятся не къ равномерному распредѣленію, но къ сосредоточенію въ одномъ мѣстѣ. Съ другой стороны благодаря механизации, въ капитализмѣ всегда имѣется избытокъ человѣческой силы, т. к. машина является не только восполненіемъ и усиленіемъ человѣческой энергіи, но и ея конкурентомъ. Этимъ обуславливается фактъ небывалаго развитія борьбы за существованіе. Въ этой борьбѣ господствуетъ одинъ неприкрытый законъ эгоизма — «каждый за себя». Въ борьбѣ за существованіе, за свое мѣсто подъ солнцемъ отдѣльный человѣкъ безсиленъ. Единство интересовъ толкаетъ людей въ организациі. Рядомъ съ эгоизмомъ появляется солидарность, но необходимо имѣть въ виду, что солидарность не имѣетъ ничего общаго съ христіанской любовью. Больше того, она есть подмѣна христіанской любви. Въ этой послѣдней человѣкъ выходитъ за предѣлы своей замкнутости, въ солидарности человѣкъ остается отдѣльнымъ, изолированнымъ существомъ, не находитъ путей къ живой личности другого человѣка, живыхъ связей, кромѣ общихъ интересовъ. Солидарность смягчаетъ борьбу за существованіе, такъ какъ она ее переводитъ въ борьбу не отдѣльныхъ людей, а крупныхъ социальныхъ группъ.

Появленіе организаций, основанныхъ на чувствѣ солидарности въ борьбѣ за существованіе замѣняетъ и разрушаетъ всѣ старые социальные организмы. Это разрушеніе при одновременномъ ростѣ автономной личности человѣка и его автономной воли привело къ полной **атомизации** жизни. Социальная жизнь потеряла всякія внутреннія связи, человѣкъ сдѣлался въ ней отдѣльнымъ атомомъ, специально изолированнымъ. Большой городъ механически соединяетъ эти отдѣльные атомы въ служеніи капиталу. Вхожденіе человѣка въ какія либо живыя социальные организациі мѣшаетъ этой задачѣ. Разрушеніе церкви, семьи, старой городской жизни, даже государства и того органическаго единства, которое называется народомъ, есть общеизвѣстный фактъ. Разрушающая сила большого города пока не одинаково отразилась на всѣхъ этихъ организмахъ. Если церковь и семья пострадали больше, то народъ и государство меньше, но капитализмъ и эти послѣдніе организмы стремится превратить въ организациі, ему же служащія. Это разрушеніе старыхъ социальныхъ организмовъ ведетъ къ болѣе или менѣе сильному **разрушенію традицій**. Здѣсь дѣйствуетъ еще одинъ добавочный весьма простой мотивъ: для сохраненія традицій не остается мѣста. Для выполненія церковныхъ, семейныхъ, даже гражданскихъ традицій необходимо время и силы, а капитализмъ не оставляетъ ни того, ни другого. Тѣ же немногіе часы, которые остаются у человѣка свободными, онъ предпочитаетъ отдать удовольствію или посвятить работѣ въ тѣхъ организацияхъ, въ которыя онъ входитъ и которыя служатъ защитѣ его интересовъ. Вотъ почему традицій больше сохранились у буржуазіи, которая поставлена въ болѣе благоприятныя условія, и имѣетъ больше времени, чѣмъ у пролетаріата. Вотъ почему новое поколѣніе, особенно среди ра-

бочаго класса, объ нихъ даже уже и не знаетъ, такъ какъ оно не находитъ ихъ въ жизни, а школа не хочетъ и не можетъ ихъ дать.

Въ связи съ этимъ разрушеніемъ традицій находится отсутствіе чувства исторіи, слабой становится связь съ прошлымъ своего народа, съ его исторіей, съ его традиціями. Особенно сильно это сказывается въ рабочемъ классѣ и въ той части буржуазіи, которая возникла въ послѣднее время. Pierre Lhonde въ своей замѣчательной книгѣ «Le Christ dans les banlieux» говоритъ, что вокругъ Парижа существуетъ цѣлый особый міръ, люди котораго ничего не знаютъ ни о самомъ Парижѣ, ни о Франціи, ни объ ея исторіи. Для нихъ не существуетъ никакихъ культурныхъ цѣнностей, они способны безъ всякой жалости разрушить все то, чѣмъ гордится современный Парижъ. Если нѣтъ исторіи, то нѣтъ и родины, нѣтъ своего народа, нѣтъ государства. Есть только классъ, къ которому человѣкъ принадлежитъ, съ которымъ связанъ одними классовыми интересами. Чѣмъ меньше чувства исторіи, тѣмъ сильнѣе интернаціональ. Не надо только обманываться и видѣть въ немъ какое то утвержденіе цѣнности человѣка и братства помимо національной его принадлежности. Интернаціональ есть также организація интересовъ.

Есть одинъ общеизвѣстный психологическій фактъ: жизненная энергія человѣка всегда находится въ прямой зависимости отъ его духовныхъ силъ. Опустощеніе духовной жизни всегда ведетъ къ упадку энергіи человѣка. Большой городъ фактически не оставилъ мѣста для духовной жизни, разрушилъ всѣ идеалы, во имя которыхъ бы жилъ и работалъ человѣкъ. Временная вспышка жизненной энергіи, направленная на пріобрѣтеніе матеріальныхъ благъ, естественно слабѣетъ, когда

эти блага пріобрѣтаются въ той или иной степени. Между тѣмъ, капиталъ въ своемъ движеніи не знаетъ той точки, на которой бы это движеніе остановилось. Эта остановка неизбежно бы произошла, если капиталъ не приводилъ бы къ механизации жизни. Та энергія, которая движетъ міръ капитала, въ своемъ послѣднемъ основаніи есть мертвая энергія. Если сначала она пробуждаетъ и держитъ въ напряженіи всѣ живыя силы жизни, то по мѣрѣ подчиненія себѣ жизни, она постепенно замѣняетъ живыя силы своими особенностями, тѣмъ самымъ превращаетъ жизнь въ огромнѣйшій техническій процессъ. Въ этомъ лежитъ одно изъ основныхъ противорѣчій современной жизни. Капитализмъ для своего развитія требуетъ высшаго напряженія человѣческихъ силъ, что ведетъ къ крайнему утвержденію человѣческой личности. Съ другой стороны созданный этой энергіей человѣка техническій аппаратъ подчиняетъ человѣка. Человѣкъ вызываетъ къ жизни тѣхъ духовъ, съ которыми онъ не можетъ совладать и которымъ онъ подчиняется. Самъ человѣкъ становится частью технического процесса, одной изъ частей мертвой машины. Въ этомъ налаженномъ человѣкомъ процессѣ его творческія силы больше не нужны. Его личная жизнь, его особенности только мѣшаютъ этому процессу. Въ результатѣ современный человѣкъ живетъ больше типической жизнью, чѣмъ индивидуальной. Онъ безсиленъ выйти изъ общей рутины, все равно какой — технической или духовной. Капитализмъ, давая просторъ индивидуальной жизни, строго ее ограничиваетъ опредѣленными рамками. Человѣкъ свободенъ, пока онъ служитъ капиталу.

Таковы главныя особенности большого города — матеріализмъ, обмирщеніе, крайній индивидуализмъ при отсутствіи личной жизни, атомизации жизни, отсутствіе чувства исторіи и традицій и, наконецъ, тех-

низация жизни. Всѣ эти особенности создаютъ совершенно новый типъ человѣка. Всѣ стороны его жизни испытываютъ дѣйствіе этихъ особенностей, но особенно сильно - религіозная жизнь. Было бы невѣрно говорить о полной безрелигіозности современнаго человѣка. Этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что вопросы, которые раньше входили исключительно въ область религіи, сейчасъ обсуждаются и рѣшаются людьми, далекими отъ религіи. Но этотъ интересъ не есть показатель подлинной религіозной жизни, а лишь извѣстныхъ религіозныхъ настроеній при полномъ отсутствіи положительной религіи. Религіозная жизнь современнаго человѣка не одинакова, особенно большія колебанія вызываетъ его принадлежность къ разнымъ социальнымъ группамъ буржуазіи и рабочаго класса, но эти колебанія тѣмъ не менѣе не касаются этого основнаго факта религіозной жизни. Большой городъ не оставляетъ мѣста для христіанства, какъ религіи. Его разрушающее дѣйствіе съ особенной силой сказалось на Церкви. Расцерковленіе жизни — таково

наиболѣе замѣтный результатъ дѣйствія большаго города на христіанство. Церковной жизни нѣтъ или почти нѣтъ. Есть еще отдѣльные вѣрующіе христіане - протестанты или католики, — но они собственно не члены церковной общины, какъ и священники больше не церковные пастыри, а только руководители жизни отдѣльных христіанскихъ душъ.

Любопытно отмѣтить, какъ церковная жизнь разрушалась легче тамъ, гдѣ она была слабѣе, именно въ протестантствѣ. Протестантство оказалось безсильно передъ современной жизнью. Католичество нашло въ себѣ силы для борьбы съ этой жизнью и эти силы оно нашло въ церкви. Распадъ церковной жизни не могъ не сказаться вообще на религіозной жизни человѣка. Современная жизнь еще разъ подтвердила, что подлинная религіозная жизнь возможна только въ церкви. Она же обрекаетъ на полную неудачу всѣ попытки возрожденія религіозной жизни помимо и внѣ церкви.

Н. Н. Афанасьевъ

Тамъ, гдѣ съ Богомъ борются.

Упреки русскому народу — въ связи съ современнымъ положеніемъ въ Россіи — въ «пассивности», бездѣятельности», въ «рабскомъ терпѣніи» стали нѣкоторымъ «общимъ мѣстомъ». И, по видимому, упрекающіе правы... Какъ будто бы, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ проявленій героической активности. Но странно — чѣмъ болѣе соприкасаешься съ русской дѣйствительностью даже въ кривомъ, одностороннемъ изображеніи ея въ совѣтской печати, тѣмъ убѣжденнѣе знаешь, какъ несправедливы, скороспѣлы, жестоки эти упреки. За побѣдно - шумливымъ «рапортомъ» объ успѣхахъ коммунизма ощущаешь такую

силу сопротивленія, такое напряженіе упорной борьбы за **свою** волю, за право строить жизнь **не по коммунистической указкѣ** что невольно удивляешься предъ чудомъ непрерывной, неослабѣвающей стойкости русскаго народа. Но это героическое утвержденіе права на **свою волю** совершается въ формахъ, имѣющихъ мало общаго съ ходячими представленіями о «героическомъ», объ «активномъ». — Привычная форма героической борьбы, когда «сильные», «мужественные» жертвуютъ собой и, жертвуя, побѣждаютъ, — въ условіяхъ совѣтской дѣйствительности оказалась мало пригодной, слишкомъ «не продуктивной». Жизнь со-